

Примечания

- 1 История Уральского военного округа. Свердловск, 1983. С.113.
- 2 Решения областного совещания окружных военных комиссаров, врачей основных призывных комиссий с участием областных отделов УралСовета по проведению очередного призыва. 10–12 сентября 1930 г. Свердловск, 1930. С.7.
- 3 Там же. С.9.
- 4 История Уральского военного округа. С.121.
- 5 ЦДОО СО. Ф.4. Оп.11. Д.1323. Л.187.
- 6 РГВА. Ф.34912. Оп.4. Д.10. Л.15.
- 7 Там же.
- 8 РГВА. Ф.34912. Оп.1. Д.48. Л.10.
- 9 РГВА. Ф.34912. Оп.4. Д.10. Л.15.
- 10 Там же.
- 11 РГВА. Ф.34912. Оп.1. Д.48. Л.10.
- 12 ЦДОО СО. Ф.4. Оп.11. Д.174. Л.10.
- 13 ЦДОО СО. Ф.4. Оп.11. Д.174. Л.21.
- 14 ЦДОО СО. Ф.4. Оп.12. Д.3. Л.59.
- 15 РГВА. Ф.34912. Оп.1. Д.48. Л.10об.
- 16 Там же.

*Сперанский А.В.
(Екатеринбург)*

КАДРЫ РЕШАЮТ ВСЕ: ТРУДОВЫЕ РЕСУРСЫ УРАЛА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Урал был тыловым регионом, где наиболее интенсивно шло наращивание оборонного потенциала, требующего использования значительного количества трудовых ресурсов. Мобилизация трудящихся на фронт первоначально значительно обгоняла их восполнение, что порождало острую нехватку производственного персонала. Решение этой проблемы в значительной мере облегчила эвакуация. Из всех трудоспособных людей, прибывших в регион, 55 % активно включились в работу на промышленных предприятиях. В связи с этим большинство уральских заводов подверглось не только технической, но и кадровой реконструкции. В среднем доля эвакуированных работников в индустриальном производстве Урала к концу 1942 г. составила 31 %. На некоторых объектах она достигала 50–75 %, что фактически приводило к формированию нового трудового коллектива¹.

Одной из мер по восполнению трудовых ресурсов было привлечение на производство пенсионеров. Однако военный режим индустриального труда был под силу далеко не всем пожилым людям. Поэтому доля вернувшихся на промышленные предприятия рабочих в возрасте 55 лет и старше была невелика и составляла 4,3 %. Более массовым было участие пожилых людей в сельскохозяйственных работах – 14,8 %. Значительно вырос количественный показатель детского и женского труда. В составе уральских рабочих подростковая группа в возрасте от 14 до 16 лет увеличилась по сравнению с 1940 г. более чем вдвое. В сельскохозяйственном производстве – на 15–20 %². В результате кампании, целенаправленно проведенной властями под лозунгом «Заменим уходящих на фронт мужчин!», к производственной деятельности были привлечены сотни тысяч женщин. Их доля в промышленности Урала к концу войны составляла 47,7 % (в Курганской области – 58,8 %, Оренбургской – 49,7 %, Пермской – 50,0 %, Свердловской – 50,1 %, Челябинской – 41,5 %, Башкирии – 52,4 %, Удмуртии – 55,9 %)³, а в сельском хозяйстве – 74,6 % (в Курганской области – 76,0 %, Оренбургской – 72,4 %, Пермской – 78,0 %, Свердловской – 74,9 %, Челябинской – 71,0 %, Башкирии – 73,3 %, Удмуртии – 77,6 %)³.

Проблема трудовых ресурсов решалась и за счет подготовки новых квалифицированных кадров в системе трудовых резервов. За 1941–1945 гг. в ремесленных и железнодорожных училищах, школах ФЗО на Урале было подготовлено по различным рабочим специальностям 444,7 тыс. чел. (в Курганской области – 9,8 тыс. чел., Оренбургской – 47,9 тыс. чел., Пермской – 83,9 тыс. чел., Свердловской – 129,6 тыс. чел., Челябинской – 100,6 тыс. чел., Башкирии – 40,6 тыс. чел., Удмуртии – 32,3 тыс. чел.). К сожалению, выпускники трудовых резервов не всегда находили должное применение полученным знаниям и навыкам. Только 25 % молодых рабочих получали работу по специальности, а остальные вынуждены были переквалифицироваться или выполнять подсобную низкооплачиваемую работу⁴. Значительное место в решении проблемы кадров занимали индивидуальное и бригадное ученичество непосредственно на производстве, работа курсов техминимума, стахановских и технологических школ, обучение вторым и смежным профессиям. Этой цели во многом был подчинен и патриотический подъем трудящихся. Известные всей стране трудовые инициативы И.Сорокового, Н.Базетова, Д.Босого, И.Янкина, В.Тарасова, П.Поджарова, П.Спехова,

Е.Агаркова, Т.Абраменко, М.Попова, С.Погорелова, породившие различного рода соревнования, движения двухсотников и трехсотников, тысячников, комсомольско-молодежных фронтовых бригад. Они умело использовались государственными структурами в производственном процессе для повышения производительности труда и экономии рабочей силы.

Разрыв между потребностями уральской промышленности и ее обеспеченностью рабочей силой также в значительной мере преодолевался методами милитаризации и внеэкономического принуждения. Первым по времени проявлением военизированного подхода в решении этой проблемы стало введение трудовой повинности, которая давала военной экономике сезонную рабочую силу. С первых дней войны она стала активно применяться на лесозаготовках, железнодорожном и жилищном строительстве, торфодобыче и т.п. Используемые по этой разнарядке жители сельской местности и эвакуированные за невыполнение норм или уклонение от работы привлекались к уголовной ответственности.

Более широкими по охвату населения были трудовые мобилизации. Мобилизованные направлялись в первую очередь на предприятия авиационной, металлургической, химической, топливной промышленности, оборонного машиностроения и сельскохозяйственные работы. Наряду с общегражданскими мобилизациями имело место и создание трудовой армии, включавшей в себя стройбатальоны и рабочие колонны. В эти подразделения направлялись люди, признанные негодными к строевой службе в армии или считавшиеся неблагонадежными по социальному и национальному признаку. Трудармейцы прикомандировывались к предприятиям и выполняли в основном подсобные работы. К январю 1942 г. на Урале насчитывалось около 290 тыс. бойцов трудовой армии, среди которых 96 тыс. чел. составляли мобилизованные в Средней Азии и Казахстане⁵. В большинстве своем это были пожилые, с ослабленным здоровьем люди, не знавшие русского языка. Трудились они непроизводительно, поэтому отношение к ним местных властей сводилось к администрированию, граничащему с произволом. Пренебрежение национальными традициями, отсутствие какой-либо заботы о бытовых условиях, массовые отдачи под суд порождали массовые побег, самопорчу, невыходы на работу, высокую смертность и делали трудовое использование этого контингента крайне неэффек-

тивным. Так, из 3,1 тыс. рабочих-узбеков, прикомандированных к Верхне-Тавдинскому лесокомбинату, к январю 1944 г. осталось всего 600 чел. Остальные сбежали или умерли от нечеловеческих условий труда и быта. Подобная картина наблюдалась и на многих других предприятиях Урала⁶.

Лагерные формы функционирования трудовой армии распространялись и на советских немцев, государственная политика в отношении которых в годы войны имела явные признаки геноцида. Так называемая «трудовая мобилизация немцев» сводилась к созданию лагерей в Соликамске, Перми, Ивделе, Нижнем Тагиле, Краснотурьинске, Уфе, Челябинске, Копейске, Орске и других населенных пунктах. «Лагерники» использовались на промышленных стройках, в шахтах, рудниках, на лесоповале и строительстве железных дорог. Голод, холод, униженное положение, адский труд способствовали массовой гибели людей. Так, в лагерях «Челябметаллургстроя НКВД» состав немецких бригад численностью в 50 тыс. чел. за 1942–1943 гг. обновлялся по 2–3 раза. В МолотовЛаге и ИвдельЛаге из 10–15 тыс. чел. к концу войны в живых осталось по 2–3 тыс.⁷

Для обеспечения производственных мощностей региона достаточным количеством рабочих рук использовался труд и других групп «спецконтингента»: заключенных, военнопленных, спецпереселенцев. В довоенный период на территории Урала насчитывалось более 30 лагерей и исправительно-трудовых колоний содержащих десятки тыс. заключенных. В годы войны часть из них (кроме политзаключенных) была освобождена и направлена в штрафные батальоны действующей армии⁸, оставшиеся переведены на усиленный режим содержания со значительной интенсификацией производственного труда.

Неоплаченный труд заключенных использовался практически во всех сферах военной экономики, но особенно активно – в традиционно трудоемких процессах: в добывающей промышленности, на лесоповале и т.п. К примеру, только в Кизеловском угольном бассейне 40 % подземных рабочих составлял «спецконтингент». Суммарная выработка норм в системе уральского ГУЛАГа увеличилась в 2 раза, а условия содержания намного ухудшились. Следствием этого явился повышенный рост смертности от общего числа заключенных, достигавший в годы войны 18,5 %. Только в лагерях, находившихся на территории Коми АССР, в 1941 г. от голода и болезней погибло более 100 тыс. осужденных, то есть каждый 15-й⁹.

Несмотря на естественную убыль, связанную с мобилизацией на фронт и гибелью от невыносимых условий труда, «спецконтингент» уральского ГУЛАГа не имел серьезной тенденции к уменьшению, ибо постоянно пополнялся за счет военнопленных и интернированных иностранных граждан, а также депортированных представителей национальностей СССР, обвиненных в пособничестве немецким оккупантам. К 1945 г. численность пленных в регионе достигла максимальной цифры в 250 тыс. чел. Больше всего к концу войны их находилось в Свердловской области – 82,3 тыс. чел. (56,8 тыс. немцев, 14,5 тыс. венгров, 4,6 тыс. румын, 4,1 тыс. австрийцев, 324 поляка, 93 француза, 16 испанцев, 11 итальянцев). Они содержались в 14 лагерях, подразделявшихся на сотни отделений. Кроме солдат и офицеров стран гитлеровской коалиции, плененных в ходе военных действий, на Урал интернировались и гражданские лица из враждебных СССР государств и прежде всего из Германии. К концу войны в регионе находилось 15 тыс. гражданских немцев, сведенных в 25 рабочих батальонов, 9 из которых были сформированы в Свердловской области, 6 – в Челябинской, 4 – в Пермской, 3 – в Оренбургской, 1 – в Курганской и 2 – в Башкирии.

Лагеря для военнопленных и интернированных размещались в основном в индустриальных центрах Урала, где наблюдалась наибольшая потребность в рабочей силе – Алапаевске, Асбесте, Магнитогорске, Нижнем Тагиле, Оренбурге, Перми, Свердловске, Соликамске, Челябинске и т.д. Вклад этого контингента в военную экономику Урала был достаточно весом, если учесть, что только в Свердловской области в 1945 г. доля военнопленных и интернированных составляла 6,4 % от общего числа рабочих и служащих, занятых в промышленности, строительстве и местном хозяйстве¹⁰.

На заключительном этапе войны уральская экономика стала пополнять свой потенциал рабочей силы и за счет депортированных народов южных регионов страны: крымских татар, греков, армян, болгар и т.п. Эти спецпереселенцы размещались в основном в Свердловской и Пермской областях и использовались как дармовая рабочая сила в сельском хозяйстве, на строительстве, в лесозаготовительном и перерабатывающем комплексах.

Милитаризованный труд, основанный на внеэкономическом принуждении, составлял заметную долю в производственном процессе, осуществлявшемся на Урале в годы войны, однако он был далеко не единствен-

ным и уж тем более не определяющим фактором его развития. Отдавая, ради исторической справедливости, должное стараниям и страданиям «спецконтингента», подчеркнем при этом, что данная категория рабочей силы использовалась главным образом во вспомогательных сферах производства и отличалась слабой производительностью труда. Решающая же роль в основных отраслях экономики Урала, вне всякого сомнения, принадлежала местным и эвакуированным специалистам, самоотверженно выполнявшим свой патриотический долг.

В целом оценивая политику властей в решении кадровых проблем отметим, что в первую очередь она была направлена на максимальное расширение трудового потенциала в промышленности. Уральское индустриальное производство в результате комплексных мер, осуществленных государственными структурами, не испытывало в годы войны хронического дефицита рабочей силы, за исключением высококвалифицированных кадров. В то же время убыль трудоспособного населения деревни практически не восполнялась. Вовлечение в аграрное производство нетрудоспособных селян, сезонные мобилизации горожан, частичное трудоустройство в колхозах и совхозах эвакуированных не снимали острой нехватки работников. В результате, при общем сокращении населения Урала за военный период более чем на 1 млн чел. (на 7,7 %), удельный вес горожан, учитывая эвакуацию в регион главным образом промышленно-оборонных предприятий, увеличился с 37,5 % до 49,4 %, а сельское население сократилось с 62,5 % до 50,6 %¹. Это выравнивание долей жителей города и деревни, произошедшее к концу войны впервые в истории региона, имело крайне противоречивые экономические последствия. Промышленность сделала колоссальный шаг вперед, а сельское хозяйство оказалось не в состоянии сохранить производство даже в довоенных размерах.

Примечания

- 1 Сафронов А.А. Перераспределение трудовых ресурсов между западными регионами страны и Уралом в годы Великой отечественной войны (1941–1945 гг.) // Урал в Великой Отечественной войне. Екатеринбург, 1995. С.166.
- 2 Антуфьев А.А. Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург, 1992. С.257; Палецких Н.П. Социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны. Челябинск, 1995. С.10; РГАЭ. Ф.7486. Оп.1. Д.3320. Л.152.
- 3 Антуфьев А.А. Указ.соч. С.250.
- 4 Подсчитано по: Народное хозяйство Курганской области. Стат. сб.

- Челябинск, 1957. С.118; Народное хозяйство Чкаловской области. Стат. сб. Чкалов, 1957. С.111; Народное хозяйство Пермской области. Стат. сб. Пермь, 1957. С.147; Народное хозяйство Свердловской области и г. Свердловска. Стат. сб. Свердловск, 1956. С.123; Народное хозяйство Челябинской области и г. Челябинска. Стат. сб. Челябинск, 1957. С.129; Народное хозяйство и культурное строительство Башкирии. Стат. сб. Уфа, 1964. С.215, 216; Народное хозяйство Удмуртской АССР за 60 лет. Стат. сб. Ижевск, 1980. С.87.
- 5 Палецких Н.П. Социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны... С.16.
  - 6 Дементьев Б.П. Идеологическая работа партийных организаций Урала в годы Великой Отечественной войны. Свердловск, 1990. С.121, 122.
  - 7 Советские немцы: история и современность. М., 1990. С.22, 23, 180, 282, 283.
  - 8 Именно таким путем попали в ряды солдат будущие Герои Советского Союза Матросов, Бреусов, Отставнов, Сержантов, Ефимов и др.
  - 9 Палецких Н.П. Социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны... С.25; Смыкалин А.С. Пенитенциарная система страны в годы Великой Отечественной войны // Урал в Великой Отечественной войне... С.117.
  - 10 Мотревич В.П. Иностранцы граждане на Урале в 40-е годы // Урал в Великой Отечественной войне... С.98, 99.
  - 11 Корнилов Г.Е. Уральское село и война. Екатеринбург, 1993. С.23.

*Суржикова Н.В.
(Екатеринбург)*

ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПНИКИ НА СРЕДНЕМ УРАЛЕ: К ИСТОРИИ ОСОБОРЕЖИМНОГО ЛАГЕРЯ № 476 МВД СССР (1949–1956 гг.)

С 1946 г. по 1950 г. в исполнение международных договоренностей основная часть военнопленных Второй мировой войны, находившихся в СССР, была освобождена и отправлена на родину. Согласно итоговому докладу МВД СССР, подготовленному по случаю завершения репатриации, в этот период СССР покинуло 3344696 военнопленных бывших вражеских армий¹. В лагерях и тюрьмах Советского Союза остались несколько десятков тысяч военнопленных иностранных армий, осужденных советскими органами юстиции за совершенные ими во время войны или уже в период плена преступления. Точные данные об их количестве до сих пор отсутствуют, несмотря на всплеск интереса к проблемам военного плена в последнее время. Имеющиеся сведе-